

**Пленные французы в Вятской губернии и
г. Елабуге в 1812-1814 гг.**

Изучая материалы о Надежде Андреевне Дуровой в Государственном архиве Кировской области, мы обнаружили несколько любопытных материалов. Это целый фонд 582, в котором находятся документы о пребывании в Вятской губернии военнопленных французов. Здесь же хранятся указ императора Александра I о препровождении пленных французов в губернии и установлении строгого контроля за их поведением, рапорты городничих о получении данного указа, еженедельные донесения городничих о количестве имеющихся иностранцев и их поведении.

Во время войны 1812-1814 гг. для жительства пленных французов назначено было первоначально пять губерний: Вятская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Астраханская, а позднее их стали размещать и в других губерниях.

В Вятскую губернию пленных присылали партиями, начиная со второй половины 1812 г. По спискам, представленным городничими, видно, что в октябре 1813 г. число пленных в губернии достигло 1954 человек, в том числе 54 офицера. Позже в Вятской губернии насчитывалось уже 5851 пленных, в их числе были французы, итальянцы, португальцы, испанцы, швейцарцы, поляки, саксонцы, баварцы, австрийцы и прусаки. Размещены они были по городам и находились под присмотром полиции. Еженедельно под грифом «Секретно» городничий отправлял рапорт вятскому гражданскому губернатору о поведении находившихся под присмотром пленных.

Содержание на пленных выдавалось разное, в зависимости от чина: так, генералу выдавалось по 3 руб. в сутки, полковнику и подполковнику — по 1 руб. 50 коп., майору — по 1 руб., обер-офицеру — по 50 коп. и нижним чинам — по 5 коп.

Среди пленных был генерал Вандом, проживавший сначала в Москве, где его принимали в лучших домах. Но когда об этом слух дошел до императора, то он заметил, что «Вандом по своему неистовству и злобному нраву, достоин презрения во всей Европе, так как он даже и в своей армии был не только лишен начальства, но и отослан из армии, а потому и сослать его в Вятку, с приказанием следить за его нравственностью и за теми, где он будет принят». Генерал Вандом был прислан в Вятку в январе 1814 г. Для лучшего надзора за ним его поместили в одном доме с городничим.

Проживавшим в Вятской губернии пленным разрешено было «искать заработков» для улучшения их материального положения. Так, знающие фабричное и заводское дело были помещены на фабрики и заводы, другие отданы в услужение частным лицам, а в городе Сарапуле пленные французы занимались, по добровольному соглашению, земляными работами при сооружении каменной ограды вокруг Воскресенского собора и при постройке огромной колокольни Покровской церкви. Одному из пленных Леонарду Мишель дозволено было, с разрешения министра народного просвещения, заниматься в Вятке преподаванием наук. Всем военнопленным, по высочайшему повелению, предлагали поступить на русскую военную службу, но почти все французы отказались. Так, например, 18 января 1813 г. глазовский земский исправник доносил губернатору: «...всем оным пленным, так как они природные французы, объявить Высочайшее Его Императорского Величества повеление о приглашении их на нашу военную службу, но они приняли сие с надменностью, отозвались презрительно, что Российская служба по дисциплине и по числу жалованья им не нравится и потому никто желания своего вступить в оную не изъявил». Впрочем, некоторые пленные итальянцы и голландцы согласились принять русское подданство и поступить на военную службу.

В конце октября 1813 г. последовало высочайшее распоряжение об освобождении всех находящихся в губерниях баварцев «по случаю соединения с нами Баварского двора». В этой связи в Вятской губернии были освобождены 45 офицеров и 181 нижний чин. Затем в ноябре и декабре последовательно были освобождены все пленные, принадлежащие к национальностям, входящим в состав Рейнского союза. Многие из пленных, проживавших в Вятской губернии, не могли освоиться с довольно суровым климатом, и нашли здесь себе могилу.

В 1814 г. управляющий министерством полиции потребовал сведения о количестве больных и умерших пленных. По собранным данным, начиная с прибытия французов в

Вятскую губернию и до сентября 1814 г., больных было 1516 человек, из которых 623 умерло. Остальные или выздоровели, или «продолжали находиться в слабом состоянии, хотя и годны к отправке домой».

После заключения мира сделано было распоряжение об освобождении остальных пленных. Но в начале 1815 г. вновь вышло высочайшее повеление о том, чтобы пленные, находящиеся еще в России, были задержаны. В Вятской губернии в то время уже не оставалось ни одного пленного. Но задержанная в Пскове партия пленных французов, препровождавшихся на родину, была отправлена в Вятскую губернию, куда и прибыла в сентябре. Все пришедшие в этой партии пленные (122 нижних чина и 15 офицеров) были оставлены в Орлове. А в январе 1816 г. и они получили свободу. (См.: Столетие Вятской губернии. Т. 1. С. 349-350).

Что же касается пребывания пленных французов в городе Елабуге, то из документов «О пребывании пленных французов в Елабуге» мы видим, что французы вступили в Елабугу 5 марта 1813 г. и оставались там по 13 июня 1814 г. За это время на них израсходовано: на жалованье офицерам 1662 руб. 50 коп.; на жалованье нижним чинам 3398 руб. 85 коп.; на провиант нижним чинам 3851 руб. 49 коп.; всего 8912 руб. 14 коп. Деньги выдавались французам под расписки. Книги представлены на ревизию в казенную палату в 1814 г. в июне или июле месяце. Городским головой был Мыльников. Продовольствием в 1813 г. заведовал выборный из общества купец Василий Фирстов, а в 1814 г. — мещанин Тарас Судаков. Каждый нижний чин из пленных французов получал по 5 коп. в день.

В 1813 г. пленных французов в Елабуге было:

- в марте 101 нижний чин, 4 офицера;
- в апреле 101 нижний чин, 4 офицера;
- в мае 87 нижних чинов, 4 офицера;
- в июне 87 нижних чинов, 4 офицера;
- в июле 95 нижних чинов, 4 офицера;
- в августе 69 нижних чинов, 4 офицера;
- в сентябре 78 нижних чинов, 5 офицеров;
- в октябре 191 нижний чин, 4 офицера;
- в ноябре 197 нижних чинов, офицеров нет.

В 1814 г. в Елабугу прибыла новая партия военнопленных французов:

- в январе нижних чинов стало 202 человека, офицеров не было;
- в феврале - 202 нижних чина, и 15 офицеров;
- в марте - 195 нижних чинов, 14 офицеров;
- в апреле - 189 нижних чинов, 12 офицеров;
- в мае - 189 нижних чинов, 12 офицеров;
- в июне - 189 нижних чинов, 12 офицеров.

Довольно любопытна история одного из военнопленных французов, проживавшего в Елабуге.

Пьер Бурже, коренной парижанин, оказался в Елабуге не по своей воле. Когда в 1811 г. Пьера призвали на службу в армию, он обрадовался. Ему было интересно побывать в других странах. Он гордился, что будет участником новых военных походов. Пьер с увлечением заслушивался рассказами о легкости, с которой покоряется Франции Европа и как будет завоевана огромная, далекая и загадочная Россия.

Оказавшись вдруг в Елабуге, Пьер долго не мог понять, что же такое случилось. Прежняя улыбочка навсегда исчезла с его лица. Он больше не смеялся, стал грустен и задумчив. А подумать действительно было над чем. О странных превратностях судьбы, например. Шел в Россию самоуверенный, гордый и веселый, Шел завоевателем. И вот оказался в плену у тех странных русских бородачей, что в лесах России гуляют промеж медведей. Сразу после пленения Пьера охватил страх. Он уже мысленно простился с жизнью: был уверен, что его вскоре посадят на кол или живым заруют в могилу, как об этом говорили командиры.

Особенно удивительным и постыдным для Пьера был факт его пленения. А дело было так. Пьер с отрядом своих соотечественников находился в разведке в смоленских лесах. И неожиданно на лесной полянке оказался в окружении. Не успел оглянуться и

ахнуть, как был сбит с ног каким-то старым мужиком. Грозное, невиданное оружие трехрожковые деревянные сенные вилы прижали Пьера к земле. Его разоружили, связали вместе с другими захваченными разведчиками и погнали в плен. Какое нелепое положение! Как он, Пьер, без сопротивления попал в руки партизан, которые к немалому удивлению, отогрели его в деревенской избе, накормили печеной картошкой, напоили горячим брусничным чаем. И затем целого, немножко помороженного сдали в лагерь военнопленных. В сборной колонне французов, итальянцев, немцев, поляков, португальцев и одного швейцарца Пьер прибыл в Елабугу.

Зима 1812-1813 гг. стояла суровая. Морозы сильные и продолжительны е. Елабужане ходили в валенках, меховых шубах, овчинных полушубках и даже в тулупах. Станным казалось появление на улицах Елабуги молодого высокого худошавого человека, одетого в легкую поношенную шинель. Ходил он быстрыми шагами по одному и тому же маршруту. Конечная цель - Рыбная площадь, здание почты. Здесь он отогревался и затем каждый раз задавал почтовой сотруднице один и тот же вопрос: «Не получено ли, мадемуазель, разрешение на прием писем в далекую Францию?»

На почте уже привыкли к этому постоянному посетителю. «Идет парижанин Пьер», — говорили почтовики, завидев его фигуру. А на вопрос следовал вежливый ответ: «Нет, мусье Пьер, разрешения на письма не поступило».

Нелегко было сынам южной Европы привыкать к местному климату, к непонятному языку, к новым людям.

Но Пьер был молод, силен, не гнушался никакой работой. Пьер устроился в семье местного чиновника Григория Ивановича Казаковцева. Здесь он был за работника «на все руки». Колол дрова, топил печи, ходил на базар с хозяйкой, убирал двор, чистил на кухне картошку, носил воду, нянчил ребятишек, а тех что постарше, обучал французской речи. Тогда в Елабуге в богатых домах стало модным иметь «гувернера» — воспитателя-француза.

Пьер своей жизнью был доволен. Многим его соплеменникам пришлось гораздо труднее, особенно пожилым.

Елабужане извлекли для себя определенную пользу из пребывания в их городе военнопленных. Во-первых, они многое узнали о далекой стране, ее народе, жизни. Во-вторых, елабужская молодежь выучилась говорить, а многие - читать и писать по-французски.

По своей простоте и природной доброте елабужане сочувствовали военнопленным, особенно нижним чинам. Их никто не обижал. Больных и слабых местные жители подкармливали и лечили всем, что имели и чем могли. Никто из елабужан не плевал пленным в лицо, не избивал их, как о том говорилось во Франции перед «великим походом» на Россию. Никто не вымещал на пленных человеконенавистнической злобы. Когда военнопленные стали возвращаться домой, их провожали дружескими пожеланиями и добрыми советами. Обо всем этом и рассказал Пьер своим родителям и невесте, когда вернулся в Париж.

Только в продолжении всей жизни Пьер остался угрюмым, задумчивым. Он часто вспоминал Россию и Елабугу добрым словом. А о подробностях своего неудачного «завоевательства» поведал своей семье и друзьям лишь перед самой смертью.

Умирая в 82-летнем возрасте, Пьер завещал своим детям и внукам: «Не ходите больше в завоевателях в Россию. Не ходите никогда! С Россией надо дружить».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шишкин Н.И.* История Елабуги с древнейших времен. Елабуга: Тип. Кибардина, 1901. С. 113-116.
2. Донесение городничих о поведении находившихся под надзором присланных из разных мест по секрету иностранцев // ГАКО. Ф. 582. Он. 7. Д. 56.
3. Столетие Вятской губернии. Т. 1. С. 349-350.
4. *Мотрохин Ю.В.* Парижанин Пьер не по своей воле в Елабуге. Елабуга: Новая Кама, 1969.
5. Рапорт о получении указа // ГАКО. Ф. 583. Оп. 602. Ед. хр. 392. Л. 307, 971.

6.Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского // ГАКО. Ф. 583. Оп. 602. Ед. хр. 392. Л. 63.

7.Елабужского городничего рапорт о получении указа // ГАКО. Ф. 583. Оп. 602. Ед. хр. 392. Л. 29.

8.В вятское губернское правление из Елабужского земского суда рапорт о получении Указа // ГАКО. Ф. 583. Оп. 602. Ед. хр. 392. Л. 384.